

А. СЕРГЕЕВ, Е. ГЛУШИК

**Как жил, работал и воспитывал детей И. В. Сталин.
Свидетельства очевидца**

<Фрагменты>

<...>

Или ещё. После того как мы посмотрели с Василием пьесу «Дни Турбиных», Сталин нас спрашивает: «Что вы там видели?». (Это было в 1935 году, во МХАТе. Кстати, Сталин частенько посылал нас с Василием в театр.) Я сказал, что не понял: там война, но красных нет, одни белые, но почему-то они воюют, а с кем — не знаю.

Сталин говорит: «А знаешь почему? Ведь красные и белые — это только самые крайности. А между красными и белыми большая полоса от почти красного до почти белого. Так вот, люди, которые там воюют, одни очень белые, другие чуть-чуть розоватые, но не красные. А сойтись друг с другом они не могут, потому и воюют. Никогда не думай, что можно разделить людей на чисто красных и чисто белых. Это только руководители, наиболее грамотные, сознательные люди. А масса идет за теми или другими, часто путается и идет не туда, куда нужно идти». Вот так Сталин объяснял нам с Василием некоторые вещи. Он вообще старался растолковать, что и как. Помочь, особенно ребенку, разобраться в причинах случившегося.

<...>

Стрелять мы научились довольно рано. Сталин считал, что мужчина должен знать оружие и уметь обращаться с ним.

Случилась, например, такая вещь в Зубалово¹. У Сталина над кроватью висело ружье 12-го калибра — двустволка, — которое ему на пятидесятилетие подарили английские рабочие. Патроны в коробках в шкафу лежали, особенно никем все это не запиралось. Мы с Василием ружье брали, открывали, щелкали без конца, па-

троны пробовали... Было нам тогда по десять лет. Ну, один раз возьмемся с оружием, в конце концов услышали — машина подходит. Приехал Сталин. Мы — ружье на место, сами вниз — встретить. Он вошел и пошел на второй этаж к себе. Немного времени прошло, слышим: бух! бух! — двойной выстрел.

Мы сразу наверх. Сталин стоит. Ружье лежит на полу, в стене — следы от двух дробовых зарядов. У Сталина порван китель и капает кровь с руки. Спрашивает:

— Ребята, вы ружье брали?

— Брали.

Обмануть, наврать — исключено было. Можно было что-то не сделать, не выполнить, но сказать об этом. Сказать правду.

— Брали... А вы знаете, мы революцию делали с помощью оружия? Оружие — наш друг. А друга знать нужно. А вы оружие не знаете, потому видите, что получилось. Сейчас его надо отремонтировать, тужурку надо зашивать. (То, что рука процарапана — не сказал.) А все потому, что вы не знаете оружия. Пойдите к Ефимову (Сергею Александровичу, коменданту дачи. — А. С.), скажите, чтобы он вас научил обращаться со всем оружием, которое здесь есть.

Оружие там было разнообразное и в нужном количестве. По этому поводу мы неделю в школу не ездили. Стреляли, разбирали, собирали. А карабин бьет очень сильно, так мы ссадили себе плечи карабином. Через неделю Сталин приехал. Мы сказали, что знаем, как пользоваться всем оружием. Мы умеем разбирать, собирать и стрелять. Он говорит: «Вот теперь оружие — и ваш друг. А друзья друзей между собой — тоже друзья. Значит, все мы теперь друзья».

Е. Г.: А что произошло-то?

А. С.: Мы вставляли патроны, а когда подъехал Сталин, побежали его встретить. А он ружье взял, не зная, что мы патроны вставили, а вынуть не успели. Когда он снимал со стены ружье, задел курки, вот и получилось — в руку.

<...>

В то время Яша был старшим лейтенантом, командиром батареи 14 гаубичного артиллерийского полка 14 танковой дивизии 7 механизированного корпуса. Командиром дивизии был генерал-майор Виноградов, начальником артиллерии генерал-майор Василий Иванович Казаков, в дальнейшем маршал артиллерии. Мы с Яшей мечтали вместе служить после окончания им артил-

лерийской академии. У меня был опыт: я три года в армии прослужил.

Долго тогда у Яши сидели, он сокрушался: «Как неудачно ответил Сталину начальник академии». Дело в том, что 5 мая 1941 года в Кремле на приеме в честь выпускников военных академий начальник артиллерийской академии генерал Сивков неудачно возразил Сталину. Сталин сказал, что, мол, вы учите на старых образцах оружия. Тот возразил. А Сталин ему: а у меня вот есть записи, конспекты вашего слушателя. Яков-то учился в артиллерийской академии. Вообще у Сталина слова не расходилось с делом: если упор на артиллерию (а тогда даже лозунг был «Молодежь — в артиллерию!») — сын учится в артиллерийской академии артиллериста. Я тоже стал артиллеристом².

Сивков еще что-то возразил не по делу. Ну и был впоследствии снят.

Сивков был сильнейший начальник академии, блестящий артиллерист, о нем говорили, что он за неделю может написать учебник: только чтобы был отдельный кабинет и молодая секретарша.

Ворошилов, когда руководил партизанским движением, взял к себе Сивкова как очень крупного специалиста начальником артиллерии партизанского движения. Потом Сивков стал командующим артиллерии фронта. Погиб в 1943 году в бою.

Яков — инженер-электрик, окончивший электромеханический факультет Института инженеров железнодорожного транспорта, окончил и артиллерийскую академию, ушел на фронт, воевал. Погиб. Он был достойный человек, умный, добрый, порядочный.

<...>

Е. Г.: Поздравлял ли Сталин Вас с праздниками, дарил ли подарки?

А. С.: Нет, подарки как таковые не дарил. Он говорил обычно: «Вот это тебе будет нужно, возьми». Дарил книги. На семь лет подарил «Робинзона Крузо.» Д. Дефо, на восемь лет — «Маугли» Киплинга, на девять лет — чернильный прибор, на двенадцать — патефон с пластинками.

Е. Г.: А сам Сталин какую музыку любил?

А. С.: «На сопках Маньчжурии», «Варяг», «Прощание славянки», Лещенко у него лежал, но я не видел, что он его слушал. А вот Вертинского слушал под настроение; были у него пластинки — «Немецкие марши»; Вагнера слушал, вальс «Блюменгеданкен» («Благодарность цветов»); оперетту «Граф Люксембург» слушал.

Любил ансамбли. Александрова очень ценил и хвалил Ворошилова, что тот убедил в свое время Александрова руководить ансамблем, а тот говорил, что лучше бы церковным хором руководил, потому что в армии не служил. Я присутствовал при разговоре, когда Ворошилов рассказывал, что настаивал, чтобы Александров руководил солдатской самодеятельностью. Это уже когда был образован ансамбль. Александров говорит: «Как хорошо, что Вы оказались таким настойчивым, и как хорошо, что я был недостаточно стойким», а Ворошилов: «Как хорошо, что Вы оказались сговорчивым».

Когда у Сталина было настроение неважное, тяжело ему было, а на людях он не показывал плохое настроение, он ставил пластинку с песней «На сопках Маньчжурии» со старыми словами:

Белеют кресты далеких героев прекрасных,
И прошлого тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных.

Сталин несколько раз прослушивал, переставлял пластинку на словах «Но верьте, ещё мы за вас отомстим и справим кровавую тризну». Он поражение в русско-японской войне очень переживал из-за того, что Россия потеряла русские владения, серьезные форпосты на Дальнем Востоке. И вот именно эти слова он, переставляя иголку, слушал несколько раз. Когда мы заходили в комнату, он сидел с опущенной головой, видно, что ему было нелегко, видимо, тяжелые мысли приходили, и он слушал эту песню, вновь и вновь переставляя иголку.

Обе песни о «Варяге» любил. Когда слушал слова:

Миру всему передайте, чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдались, пали за русскую честь, —

то нам с Василием говорил: «Вот так-то, ребята».

И он вернул утраченные территории! Россия была восстановлена в старых границах³. А дальше из так называемого санитарного кордона он создал союзные государства. Он создал первую державу мира.

Е. Г.: Он гордился восстановлением страны в старых границах?

А. С.: Он никогда не говорил, что, мол, горжусь чем бы то ни было. Но при этом оттаивала его душа. Это был бальзам на его душу. Это было заметно.

Е. Г.: Много ли читал Сталин? Какие книги составляли его библиотеку?

А. С.: Читал Сталин очень много. И всегда, когда мы виделись с ним, спрашивал, что я сейчас читаю и что думаю о прочитанном. У входа в его кабинет, я помню, прямо на полу лежала горка книг. Он смотрел книги, складывал некоторые в сторону — они шли в его библиотеку. Библиотека его хранилась в Кремле. Что с ней сейчас — не знаю.

В книгах делал пометки, читал почти всегда с карандашом в руках. Преобладали философские труды, наши классики. Любил он Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Лескова. Был в библиотеке Есенин, Маяковский, Пастернак, Булгаков. Его Сталин очень ценил и говорил: «Этот писатель смело показал, что герои были не только на стороне Красной Армии. Герои — это те, кто любит свою Родину больше жизни. А такие, к сожалению, воевали не только на нашей стороне».

Вообще изучению русского языка и литературы Сталин уделял особое внимание. Говорил нам, зная о нашем выборе: «Вы будете военными. А какой предмет для военного самый главный?» Мы наперебой отвечали: математика, физика, физкультура. Он нам: «Нет. Русский язык и литература. Ты должен сказать так, чтобы тебя поняли. Надо сказать коротко, часто в чрезвычайных условиях боя. И сам ты должен понять сказанное тебе. Военному выражаться надо ясно и на письме, и устно. Во время войны будет много ситуаций, с которыми в жизни ты не сталкивался. Тебе надо принять решение. А если ты много читал, у тебя в памяти уже будет подсказка, как себя вести и что делать. Литература тебе подскажет».

<...>

Е. Г.: Довелось слышать, что Сталин боялся покидать Москву, не любил и боялся армию, во время войны, мол, на фронт ни разу не выезжал.

А. С.: Не зря он сказал: «На мою могилу нанесут немало мусора». Вот этот мусор и несут неустанно. Во время войны я был на фронте, со Сталиным не виделся, да и он бы мне не стал докладывать, где был и что делал. А мой товарищ по академии Игорь Александрович Соколов, в то время старший лейтенант, а ныне полковник в отставке, был адъютантом маршала Воронова. Он рассказывал, как они приезжали на фронт. Их вызвали — немедленно прибыть. Они прибыли, а там их встречает Сталин. В штабе Западного фронта, в штабе Калининского фронта так было.

Е. Г.: Это какие годы?

А. С.: Это 1941, 1942, 1943, когда было особенно трудно и надо было разбираться на месте. Мне рассказывал генерал Иван Александрович Серов, он тогда был замнаркома внутренних дел, а позже председателем КГБ, как звонит ему Сталин и говорит, что надо завтра, к примеру, поехать в штаб Западного или Калининского фронта. Устраивать огромные кортежи Сталин вообще не любил, а в этом случае по причинам безопасности нельзя было привлекать к себе внимание. Серов готовит ему машину, а все машины, которые обычно обслуживают Сталина, стоят на своем месте в гараже, все выглядит так, будто он работает здесь, в Кремле. Сели в машину, которую никто не знает, — поехали на Западный фронт. Приехали туда, решили дела, потом он спрашивает, кто как работает. Ему все очень хвалят дальнюю авиацию Александра Евгеньевича Голованова: что ни скажешь — все задания выполняют безукоризненно. Поехали с Западного на Калининский фронт. Там тоже все Голованова хвалят. Дальняя головановская авиация всегда действует отлично.

Сталин звонит в Москву, связь ВЧ тогда безупречно работала. Маленков спрашивает: «Товарищ Сталин, Вы откуда звоните?» Сталин ему: «Это неважно. Подготовьте и опубликуйте в печати указ о присвоении генерал-полковнику Голованову звания маршала авиации». Звонит Сталин Голованову: «Товарищ Голованов, я Вас поздравляю». Тот: «А с чем? У меня не день рождения, праздника никакого нет». Сталин ему: «Газеты читайте».

Ну, поехали, надо ночевать. Служба охраны выбрала дом: не на краю деревни, неприметный — по требованиям безопасности. А хозяйка не пускает. Рядились-рядились — не пускает. Кое-как, с угрозами буквально — пробились к ней в дом.

Е. Г.: Но сейчас только и слышишь, какое население тогда было запуганное, не смели слово поперек сказать властям. А тут идет война, группа военных, офицеров, просится на постой, а хозяйка не пускает, бранится.

А. С.: Сейчас и не такое услышишь. Ну, так вот. Переночевали. Сталин спрашивает: «Хозяйку поблагодарили?» Сопровождающие в недоумении, мол, чего её благодарить, она нас гнала. Он говорит: «Если бы она знала, кто на постой определяется, она бы иначе себя вела. Благодарить обязательно нужно: мы же в её доме ночевали».

Разговоры сейчас о том, что на фронт он не выезжал — это болтовня несведущих людей. Для него это была рабочая деловая

поездка, и было бы глупо обставлять её помпезно и широко оповещать. Ну и Сталин, безусловно, не заботился о доказательствах для нынешних мусорщиков, несущих сор на его могилу. Он делал дело, а не занимался саморекламой⁴.

<...>

Летом в августе 1934 года на даче в Сочи Сталин и Киров работали, в частности, над указаниями по составлению учебника «История СССР», который вышел в 1937 году под редакцией профессора Шестакова. Сталин сам блестяще знал историю, в том числе историю войн, знал не просто все великие сражения, но и причины этих сражений, войн, знал, каково соотношение сил, чем закончились сражения: если поражение — почему, если победа — в результате чего достигнута.

Е. Г.: Сталин хорошо знал историю войн потому, что вообще хорошо знал историю, или готовился к войне и специально уделял внимание этому вопросу?

А. С.: Он знал, что война неизбежна, и, разумеется, готовил к этому государство. Более того, в случае войны его дети, сыновья, безусловно, должны будут в ней участвовать в первую очередь. У него всегда за словом следовало дело, иногда даже сначала было дело, а потом слова об этом.

Историю Сталин не только знал, но и любил, своеобразно характеризовал некоторые исторические события. Например, говорил: «Сволочи карфагенские купцы загубили Ганнибала».

Так вот, нам с Василием были даны задания. Каждому выдана книга — учебник истории Илловайского и Бельярминова, нужно было прочитать и отвечать на вопросы, выполнять задания. Конечно, когда так близко было море, нам хотелось туда, и далеко не всегда мы отличались прилежанием. Но какую бы белиберду мы ни несли, никогда Сталин не перебивал нас до тех пор, пока мы не заканчивали говорить.

Тогда сам начинал говорить: поправлять, оценивать наши ответы. Потихонечку разъяснял, что нужно делать, как учить и на что обращать внимание.

Думаю, помимо того, что нам хотели дать знания по истории, ещё и смотрели, как усваивается тот или иной материал, что вызывает интерес или, наоборот, затруднения. Ну, пока не приехал Киров, у нас ещё было свободное время, а потом мы даже забыли, что вблизи находится море. С. 64–68

<...>

Е. Г.: Сын Сталина, сыновья Микояна были лётчиками, Вы — артиллерист. На ваш выбор влияли отцы?

А. С.: Отцы влияли, но не уговорами, не требованиями, а примером и пониманием: отцы установили советскую власть, отцы создали великий Советский Союз, и святая обязанность их детей сохранить то, что создали отцы, — СССР. Было совершенно ясно, что война приближается и надо будет защищать Родину от врагов. Когда я в 1938 году пришёл в военное училище, комиссар училища — полковой комиссар Емельян Алексеевич Лисичкин — собрав нас, буквально пропел строки песни, популярные в то время: «И на вражьей земле мы врага разобьём малой кровью, могучим ударом». А дальше объяснил: «Это не для нас, военных, а для домохозяек, чтобы они раньше времени не волновались. А для вас скажу: современная война может длиться даже и пять лет. Может, и меньше». Лисичкин погиб на внешнем кольце окружения Сталинградской группировки. Замечательный был человек!

Каждый директор предприятия тогда имел пакет с пятью сургучными печатями. Он был вложен в другой пакет, тоже опечатанный. Это так называемый «мобилизационный пакет». Директор мог его вскрыть только при чрезвычайном положении. А там написано, что делать в случае войны. Моя мама была директором текстильного комбината. У неё такой пакет был уже в 1937 году. В этих пакетах было расписано, кто и где готовит себе базу: кто уходит на Волгу, кто уходит на Урал, кто за Урал, кто каким видом продукции будет заниматься во время войны.

В 1937 году были созданы специализированные военизированные школы-десятилетки. Это был 8-й, 9-й, 10-й класс, туда принимали мальчиков с крепким здоровьем и хорошей успеваемостью. Школы подготовили тысячи юношей к поступлению в военные училища. Я очень хотел стать лётчиком, но школы были объявлены артиллерийскими, было заявление Сталина о необходимости и значении артиллерии. Был и лозунг ЦК комсомола «Молодёжь — в артиллерию». И когда объявили, что специализированные школы будут артиллерийскими (было еще две авиационных и одна морская), то я несколько дней страдал, потом понял: раз сказано — в артиллерию, значит, так надо. Я, член комсомола, гражданин своей страны, знал, что должен выполнить ту задачу, которая поставлена. Не как я хочу, а как нужно стране.

Да, кое-кому было разрешено из этих школ пойти в лётные училища: например, Василий Сталин пошел в лётное училище

после 9-го класса. Это и было его привилегией, такая привилегия была и у Тимура Фрунзе. Привилегия драться в бою. А ведь лётчик дерётся в открытом бою напрямую с противником.

Кстати, Василий мне говорил, что отец ему сказал, мол, в нашей семье уже есть один артиллерист и для одной семьи этого достаточно. Ведь Яков учился в артиллерийской академии. Хотя Василий, как и многие мальчишки и юноши той поры, мечтал стать лётчиком, но когда спецшколы были объявлены артиллерийскими и прозвучал лозунг «Молодежь — в артиллерию», собирался последовать этому призыву. Он, что бы о нем сейчас ни говорили, был человеком дисциплинированным, обязательным, прежде всего думающим о деле. Был большим и настоящим патриотом своей страны. И если сказано — он делал не так, как хотел, а как необходимо Родине. Но Сталин считал, что если два его сына будут артиллеристами, то это станет невольным выделением артиллерии и может получиться ненужный перекоп. Сталин все продумывал и понимал, что нельзя выделять один род войск. Поэтому Василий и пошел в летное училище, как и мечтал.

После ранений у меня были документы ограниченной воинской годности. Но мысль о том, что я могу остаться в тылу, не участвовать в бою, когда идут сражения за Родину, приводила в дрожь. Когда после ранения я снова приехал в декабре 1941 года под Нарофоминск, зашел в блиндаж, где были мои солдаты, то мне стало жутко: неужели я мог бы сюда не попасть? Меня могли и в тыл загнать. А здесь я среди своих, я выполняю свой долг, делаю то, что мне положено, никто не может меня упрекнуть, и я сам себя, что делаю что-то не то.

Е. Г.: В каком году Вы вступили в коммунистическую партию, в каком году вступил в партию Василий Сталин?

А. С.: Я вступил в 1940 году, будучи курсантом 2-го Ленинградского артиллерийского училища. И Василий тоже вступил в 1940 году, курсантом Качинского военного училища лётчиков.

Е. Г.: Был ли Сталин горд, что его сыновья воевали? Ваша мама, Елизавета Львовна, была этим горда?

А. С.: Безусловно. Они не могли представить, что может быть иначе. Мама знала, что я буду военным. Была неясность только с родом войск.

Когда мы поступали в военную школу, там нужны были высокие оценки. И мы переживали, делились, кто как будет поступать. Тимур Фрунзе был рыцарь такой, он обладал рыцарским благородством и хорошо учился, он знал, что пройдет; Степан Микоян

тоже. А Василий ужасно боялся, что его из-за отметок не примут. Что же тогда отцу сказать: что не приняли из-за отметок? Что отец скажет? Вот где был страх — не примут в военную школу. Стыд! Перед отцом стыд! А как отцу будет стыдно и неприятно, что его сына не берут в армию! Кого же он тогда воспитал?

И наши родители гордились, что мы, сыновья, защищаем страну. «Золотая молодёжь», как порой называют детей определённых родителей, тогда была золотой по личным качествам — защитники Родины. Ответственность за Родину у нас и наших родителей была колоссальная. Мы даже не думали о том, что могут убить, не боялись этого. Война есть война, всякое бывает. Но ты должен защитить Родину всеми средствами, включая собственную жизнь. Никаких сомнений в этом ни у нас, ни у наших родителей не было.

Р. С. Артём Фёдорович Сергеев начал войну лейтенантом, командиром артиллерийской батареи, закончил подполковником, командиром артиллерийской бригады. Был четырежды ранен. Во время войны награждён семью орденами и шестью медалями.

<...>

К слову сказать, впервые от капитана Эйдинова, инструктора в конноспортивной школе, где мы с Василием Сталиным занимались, я услышал о Георгии Константиновиче Жукове. Это был 1936 год. Эйдинов, настоящий наездник, рассказывал нам: «У меня в 1930 году был командиром полка Жуков (а сам он был у него командиром эскадрона). Таких командиров в Красной Армии больше нет. И вы все равно о нем узнаете».

Затем рассказывал, что это был за Жуков. Наездник высочайшего класса Эйдинов говорил: «Найдите у меня хоть одну ошибку. А вы думаете, что мне не хочется расслабиться? Но только у меня эта мысль появляется, тут же я вздергиваюсь: вспоминаю хлыст Жукова. Он никогда не читал нотаций: у него хороший хлыст — и по тому месту, которое немного не так действует (не так поставленная нога, болтающаяся рука, неправильная осанка). В манеже обычно висят большие картины: панно с изображениями положения всадника и лошади. У Жукова панно не было: он сам показывал приемы и положения всадника».

В тех частях и подразделениях, где была конная тяга, или в кавалерии, часто устраивались конноспортивные праздники, соревнования. А чем еще заниматься в выходные? Соревнования проходили индивидуальные и командные. Эйдинов вспоминал: «Жуков всегда сам готовил команду и только сам выводил. Ни-

когда наша команда не могла занять даже второе место — только первое. И никто не мог к ней приблизиться на этих соревнованиях. Жукова уважали как наездника и как командира, с которым вторых мест не бывает».

Ну а потом мы слышали о Жукове в 1939 году. Когда начались события на Халхин-Голе, понадобился командир, который бы несмотря ни на что — ни на то, что мы не были достаточно подготовлены, ни на соотношение сил, ни на то, что театр военных действий мало изучен — не только на японцев набросится, порвет их и выгонит, но еще и страху наведет. Сталин запросил: кто? Тимошенко предложил: «Есть такой кавалерист в Белоруссии — Жуков». Ворошилов и Тюленин поддержали, что это сильнейший и надежный командир. Жукова вызвали. Позднее Молотов сказал: «Жуков задачу выполнил даже лучше, чем предполагали. И этого не забыли».

Он так мог организовать дело, что противник его боялся. А свои боялись не выполнить поставленную им задачу. И решая эту задачу, порой выходили вместе с ним за пределы человеческого, возможного.

Жуков был комкором. Комкоры при присвоении введенных в 1940 году генеральских званий, как правило, получали звание генерал-лейтенанта. А Жуков сразу стал генерал Армии среди пяти получивших это звание. Был назначен командующим Киевским особым военным округом, затем — начальником Генерального штаба.

Е. Г.: Почему Сталин снял его с этой должности?

А. С.: Нет, Сталин его не снимал. Жуков в Генштабе сделал свое дело, но он — не штабист. Он мог навести порядок, протрясти, встряхнуть, но в душе был боевой справедливый командир. И мудрый командир.

Когда Жуков был командующим Западным фронтом под Москвой, заместителем начальника разведотдела фронта у него служил подполковник Мильштейн. Потом он получил звание генерал-лейтенанта. Работал преподавателем, затем начальником Кафедры иностранных армий в Академии Генерального штаба. Это фактически кафедра разведки.

Он рассказывал о Жукове так: «Прибыл новый командующий — Жуков. Надо идти с докладом. Все шли к нему буквально на полусогнутых, возвращались в шоковом состоянии. Он не допускал никаких неточностей у докладывающего — требовал фактуру. Ему не нужны были рассуждения и опыт того, кто докладывал. Я первый раз пришел, Жуков начинает задавать вопросы. Толь-

ко я принимаюсь делать обобщения или высказывать мнения, он одергивал: «Не болтай! Давай фактуру». Потом стал задавать некоторые вопросы. А вопросы — как щелчки по лбу — резкие и точные. Потом, когда мой доклад закончился, Жуков отвернулся и начал задавать вопросы, но немного другим тоном. Я отвечаю. Он мне: «Молчи. Не тебя спрашивают!» Вопросы задаются, а ответов не требуется. Потом говорит: «Иди». Я спрашиваю: «Товарищ генерал Армии, кроме нас двоих здесь никого не было. Вы спрашивали, а отвечать не давали?» «Я не тебя спрашивал», — говорит Жуков. «А кого же?» «Клюге».

Мы заметили, что он предвидит решения немецкого командования. То есть понимает, как немцы себя поведут. На военном совете он рассуждает о немцах, о том, как они будут действовать. Начальник штаба фронта генерал Василий Данилович Соколовский спрашивает: «Товарищ генерал Армии, а Вы откуда знаете?» Тот: «А Клюге не дурнее меня, он знает, как воевать, — после секундной паузы добавляет, — по правилам». «А Вы?» — спрашивает Соколовский» «А я его этими правилами — да в морду» — отвечает Жуков».

Е. Г.: В каком году состоялся этот разговор?

А. С.: В 1941. Фельдмаршал Клюге был командующим 4-й полевой армии, которая наносила центральный удар по Москве.

Или еще говорят, что Жуков спорил со Сталиным относительно Киева. Там был не спор. Жуков — генерал. Задача генерала — выиграть сражение. С точки зрения нашей победы локальное киевское сражение было безнадежным. А Сталин — политик. Его задача — выиграть войну. Украина — значительная часть Советского Союза. Нужно было показать, что защищать её будут насмерть. Здесь Сталин был абсолютно прав. Да, мы понесли большие потери. Но есть стратегия политическая и военная. Политическая может главенствовать. Жукову поручено определенное направление — он отстаивал свое. А Сталину нужно выигрывать войну. И оба правы. Жуков как генерал. Сталин как политик.

Было ясно, что на поле боя Жуков полезнее и нужнее. Где нужно отстоять — он удержит, создаст такие условия, что будет сделано невозможное. Как и произошло под Москвой. Московское сражение стало величайшим не только по своим результатам — был развеян миф о непобедимости немецкой армии, которая до того ни разу не терпела поражения, шла только вперед. И вдруг её победили, да как! С другой стороны, это стратегическая битва, состоявшая из трех сражений: оборонительное сражение, контрнаступление

и всеобщее наступление. Вопреки всем канонам военного искусства это контрнаступление началось без значительного превосходства в силах. Было равенство сил. Это беспрецедентно: противнику был нанесен сильнейший удар без превосходства в силах.

Е. Г.: Это заслуга командования или солдат?

А. С.: Разделять не будем. Но давайте посмотрим на немецких генералов и на наших. Когда началась война, у немцев во всем было преимущество: образованнейшие, опытнейшие, в возрасте превосходство минимум на 15 лет. И пока их противником были Франция, Бельгия, они *блестяще* выигрывали всё. Но у нас они столкнулись с ожесточеннейшим сопротивлением. А у них план, стратегия рассчитаны на молниеносную войну. И немецкие генералы не выдержали. В обороне что требуется помимо всего прочего? Работоспособность и железные нервы. При полном отсутствии отдыха, при перегрузках, бессонных ночах. К тому же надо бегать. И спать некогда: бои идут круглые сутки, и все время необходимо перемещаться.

У них было преимущество возраста и опыта, и при этом значительно меньше физических возможностей. А наши генералы — молодые, не так образованные, опыта меньше, но они все выдерживали и быстро набрались боевого опыта. Конечно, тут наш национальный характер надо учесть и традиции русской армии.

Немецкая стратегия блицкрига тоже сыграла свою роль. Рассчитывать, что за семь-восемь недель наша армия будет разгромлена... Поэтому в 1944 году командующий группой армий Северная Украина генерал-полковник Фриснер сказал: «Наша разведка была недостаточна». В каких вопросах? Оказывается, почти во всех. «Блицкриг забуксовал в Смоленске, а война была практически проиграна под Москвой», — говорили немцы.

Какое впечатление было от немецкой армии? Организованная, вооруженная, дисциплинированная, обеспеченная, самоуверенная, с хорошей подготовкой личного состава. У немцев четкий распорядок, движение — все организовано. Они наступали днем. Шли колонной. Ночью останавливались: привал, охранение. Утром наступают. У них отсутствовал опыт ночного и лесного боя, действий в условиях бездорожья. А мы перед войной и в училище, и в кадровой армии много времени занимались ночью, в лесах, мы готовились на пределе человеческих возможностей. Солдат знает свое дело, офицер знает, что такое усталость и боеспособность. Он не раз в мирное время ис-

пытывал это состояние. Очень важно, чтобы офицер чувствовал боеспособность солдат⁵.

<...>

Е. Г.: При Сталине проводились грандиозные военные парады. С какой целью?

А. С.: Сталин считал это необходимым: военные парады были 1 мая и 7 ноября. Ведь это, собственно, смотр состояния армии. Все парады имели политическое значение, в зависимости от политической обстановки строился и парад. При этом каждый парад имел определённый политический акцент. Идея парада 1941 года — чисто его идея.

Е. Г.: Вы присутствовали на гостевых трибунах во время парадов. Дома в этот день готовились как-то к ним? Одевались, может, специально?

А. С.: Нет. Обычную одежду надевали. Вставали, как обычно, завтракали. Сталин уходил на работу, как и всегда. Он выходил на трибуну со своими людьми, с руководителями, а мы шли отдельно. Когда были маленькие, ходили с моей матерью и Надеждой Сергеевной. Потом её не стало, ходили с моей матерью. Мы всегда чувствовали и знали, что парад — это серьёзная государственная работа. После парада Сталин с руководителями приходил, они собирались, говорили о том, как прошло, оценивали. Вообще у него все всегда было по делу и вокруг дела.

Е. Г.: Дома обсуждали, кого наградить из отличившихся и за что?

А. С.: Нет, дома таких разговоров я не слышал.

Е. Г.: Вы сказали, Сталин знал, что вы с Василием будете военными. А как вы к этому готовились?

А. С.: Перед войной, как я ранее уже упоминал, были организованы спецшколы, готовящие курсантов в военные училища. Мы сами пошли и поступили туда.

23 сентября 1937 года в школе номер 32, где я учился, объявляют, что в Москве создаются военные спецшколы, называют адрес: Садово-Триумфальная, 3. В классе мы учились с Алешей Ганушкиным. Это внук знаменитого психиатра Ганнушкина. Впоследствии он был главный прочнист в фирме Туполева.

Мы сразу ушли из школы и отправились на Садово-Триумфальную. А там уже толпа... Улица широкая, и заполнено все Садовое кольцо. Там уже были Василий Сталин, Степан Микоян, Тимур Фрунзе. Конкурс огромный: 12 человек на место. Мы отошли

в сторону, стали обсуждать, как будем поступать. Тимур Фрунзе — отличник, он без разговоров поступит. Степан Микоян — скромнейший человек, тоже очень хорошо учился. А Василий просто дрожал, что его не примут: очень переживал: если его не примут, что отец скажет? Кого же он воспитал? Какой позор отцу! В итоге его всё-таки приняли. Костя Шуленин, преподававший у нас физкультуру, был начальником физподготовки школы, и он рекомендовал Василия как прекрасного спортсмена. Василий уже имел знак «Ворошиловский кавалерист». Его спросили: «А отец разрешил?»

В спецшколе были 8,9,10 классы. Таких школ было 20 по стране, а в Москве — пять. Туда принимались мальчики. В основном это были артиллерийские школы с прекрасной физической и военной подготовкой. В этих школах также делался упор на русский язык и математику как на самые важные дисциплины в военном деле. На русский язык, чтобы будущий командир мог ясно говорить и понимать, что говорят другие, писать и понимать, что пишут другие. Ну а математика — основа естественных наук. В этих школах было по 5–7 параллельных классов. Зимой шло обучение в стационаре, а летом ученики выезжали в военные лагеря. Спецшколы эти просуществовали до 1946 года — тогда состоялся последний выпуск. Были подготовлены многие тысячи выпускников, которые в основном шли в военные училища: летные, военно-мореходные и артиллерийские. Из обычных школ многие крепкие ученики пошли в эти спецшколы: крепкие и физически, и идеологически, и сильные чисто по учебным дисциплинам. Конкурс, как уже говорилось, был 12 человек на место — так все юноши в то время хотели стать защитниками родины. Причем на конкурсные места претендовали те, кого уже предварительно отобрали в эти школы. На приеме работали мандатная и предметная комиссии.

В эти школы сразу пошли Василий Сталин, Степан Микоян, Тимур Фрунзе.

Наша школа находилась на Садово-Триумфальной улице, дом 3. Сейчас там медицинский институт, кафедра, где когда-то занималась вопросами бальзамирования.

То школьное здание не имело ни спортзала, ни стрелкового тира, и поэтому для военной школы оно явно не годилось. Что делать? В жизни школы тогда большую роль играла комсомольская организация. У нас был очень хороший комсорг в ЦК комсомо-

ла — Валера Цыганов. Ему было тогда 28 лет. Опытный комсомольский работник. Имелось также три заместителя секретаря комсомольского комитета: Василий Сталин из 9 класса, Серафим Блохин тоже из 9, и я — из 10 класса. По инициативе именно заместителей, а не секретаря, было решено, что нам нужно другое здание спецшколы: должен быть спортзал, место для стрелкового тира и военные кабинеты. И мы решили идти к наркому просвещения Чуркину. Кто пойдет? Комсоргу ЦК вроде ни к чему: он человек взрослый, а инициатива исходит от нас, школьников. Решили, что пойдём мы, заместители. Василий говорит: «Мне нельзя — фамилия. Если я приду, скажут, что это директива сверху. И отец не похвалит, узнав, что, пользуясь его фамилией, пришли к наркому с какими-то требованиями или просьбами». В итоге пошли Серафим Блохин, я и взяли Тимура Фрунзе, он в 8 классе учился. Пришли к наркому, добились приема. Тогда это было не так сложно. Стали вести разговор о том, что с другой стороны Зоологического сада есть здание, выходящее на Грузинскую улицу. Оно военной школе вполне соответствует. А школа, которая там находится, может переехать в наше здание: по наполняемости, по количеству учеников это здание вполне подойдет. Нарком стал говорить: «Это невозможно. Как это так, менять? Невозможно».

Мы сказали: «Если вам это кажется невозможным, если вы не понимаете, какое здание необходимо военной школе, где готовят будущих командиров Красной армии, тогда мы пойдём к Ворошилову, он-то должен понимать, какое здание нам нужно. Это не наша прихоть, а необходимость серьезной подготовки будущих военных».

Тот, мол, не надо, при чем тут Ворошилов? Мы говорим: «Значит так: заканчивается первое полугодие, будут у нас каникулы дней 10, после чего мы должны заниматься уже в новом здании, где есть настоящий спортзал, где можно устроить стрелковый тир».

Тот нам: «Мы об этом подумаем». Мы ответили: «Вы думать можете, а нам думать долго некогда, нам нужно учиться военному делу в соответствующих условиях». Что-то он опять начал говорить. Но мы твердо стояли на своем: «Военная школа должна иметь все условия для подготовки военных: военные кабинеты, тир, спортзал. Если можете сделать, хорошо, если нет, то мы пойдём к Ворошилову, который понимает, что нужно военным». Тот опять, мол, хорошо. Мы ему: «Не “хорошо”, а нужно ваше слово, что второе полугодие вторая артиллерийская спецшкола (тогда

она еще называлась 118 средняя школа) должна заниматься в новом помещении. Если обещаете, то мы уходим и ждем. А если вы не выполните обещание, мы скажем, что вы обманываете будущих командиров Красной Армии». Короче говоря, второе полугодие мы начали в прекрасном школьном здании, где было все необходимое для подготовки будущих командиров.

<...>

Е. Г.: Был ли Сталин формалистом, буквоедом?

А. С.: В некоторых вопросах, конечно, он был педантичен, точен. Совершенно четко требовал исполнения и следил за выполнением принятых решений. Но не был формалистом ради самой формальности. Это можно продемонстрировать на таких примерах.

Мне рассказывал маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев, дело было в 1942 году. Яковлев тогда еще недостаточно знал характер Сталина. Когда Яковлев пришел к нему по вызову, Сталин сразу сунул ему бумагу и сказал: «Это что такое?»

Яковлев прочитал. А это жалоба какого-то начальника, что формируемой кавалерийской дивизии выданы пашки, на эфесе которых выгравировано «За Веру, Царя и Отечество». Яковлев воспринял это как серьезный упрек и стал докладывать: ошиблись, не успели, у нас пашки не производятся, и мы пользуемся запасами еще царского времени, но когда мы выдаем формируемым дивизиям эти пашки, стираем эту надпись, ну а здесь пропустили — виноват.

Тогда Сталин спрашивает: «А пашкой с такой надписью немцу голову срубить можно?» Яковлев отвечает, мол, можно, конечно. Сталин: «Тогда дай им Бог и за веру, и за царя, и за отечество. А дурака этого, что жалуется — чтобы в Москве больше не было». И еще сказал, мол, с такими формалистами будьте осторожны: они — опасные люди⁶.

Еще один специалист написал Сталину, что Яковлев игнорирует производство химических боеприпасов в то время, когда это очень важно. Яковлев Сталину доложил: «У нас достаточно химических боеприпасов. Сейчас химия не применяется, у нас есть запас. Если потребуются, мы можем возобновить это производство. А сейчас нам нужны осколочно-фугасные снаряды». На что Сталин сказал: «Наверное, этих любителей химии надо отправить начальниками химических складов. Пусть нюхают химию, сколько хотят, чтобы мало не казалось».

Или возьмите пример с разгрузкой сахара в Мурманске. Начальником порта во время войны там был Папанин, и вот пришел корабль, груженный сахаром, необходимо быстро разгрузить, пока не налетели немецкие самолеты и не разбомбили, а людей для разгрузки нет. И Папанин распорядился каждому, кто будет работать на разгрузке, выдать мешок сахара. Ну, разгрузили. Сталину докладывают о таком самоуправстве Папанина, разбазаривании им продуктов, и требуют для него серьезного наказания. Сталин спрашивает: «Кто съел этот сахар?» (То есть выданный Папаниным.) Там замялись. Как кто? «Ну, кто его съел? — опять Сталин спрашивает. — Люди?» Ему, мол, да, конечно, люди. А он: «А вы бы хотели, чтобы рыбы съели?» И разговор был окончен.

<...>

Е. Г.: Как вы считаете, ощущал ли Сталин эту победу не только как победу страны и народа, но как и личную?

А. С.: Не могу за него говорить, что он чувствовал и испытывал, но думаю, что человек, который в течение стольких лет руководит государством, сделал столько для достижения победы, и вот — дело, которому он посвятил жизнь, победило, конечно, не может не испытывать торжества. Но тут надо сослаться на слова Черчилля о Сталине: «И во время отчаянного положения, и во время торжества он был одинаково спокоен».

Сейчас столько визга и писка вокруг мероприятий и мер, которые предпринял Сталин как глава государства и верховный главнокомандующий, чтобы как можно скорее и эффективнее подготовиться к войне. Дескать, торговали экспонатами Русского музея, Третьяковки... А ради чего это делали? Что, яхты и футбольные клубы за рубежом на эти деньги покупали, как сейчас, когда все распродают? Деньги тратили на обеспечение обороноспособности. Лучше было бы не обеспечить подготовку к войне, и тогда эти самые экспонаты кому бы достались, для кого их сохранили бы?

Е. Г.: Сталин Вас поздравлял с Днем победы?

А. С.: Нет, лично не поздравлял.

Е. Г.: Был ли Сталин в курсе, что Вы, Василий получали награды?

А. С.: Он не мог не знать, что Василий получал награды. Но, как я уже выше говорил, Василий так считал: «Пока все мои ребята не будут награждены, мне ждать награды нечего. Орден мне — своего рода подарок и отцу. А на подарок ожидают отдарок,

и отдарок непростой». Потому у Василия наград немного, хотя он воевал, по отзывам всех его боевых товарищей, смело, самым бесстрашным, самым достойным образом.

Е. Г.: А вы как-то пользовались тем, что Вы — Сергеев, окружающие знали, что вы имеете отношение к семье Сталина? Ваши однополчане знали?

А. С.: Нет. Кто-то знал. Светлана нередко приходила к матери моей со своей тетужкой или няней, бывал и её дядя Федор Сергеевич, а обычно, если кто-то из моих солдат, сослуживцев оказывался в Москве — в госпиталь или обратно ехали, за наградами — заезжали к моей матери. Они видели Светлану, Федора Сергеевича, так что догадывались, что к этой семье я отношение имею.

Даже по Академии мои соученики, с которыми учился 6 лет и до сих пор дружу, не знали. А для чего? Была какая-то совершенно нелепая статья в «Правде» году в 1990 Галины Бацановой «Назначить Артема братом Василия Сталина», и мне наши сказали: «Как же так: мы учились, дружим не один десяток лет, и даже не знаем».

Е. Г.: Какое отношение на войне было у бойцов к Сталину? Ведь были и отступления, и потери.

А. С.: Было так: «Раз Сталин есть — значит, мы победим. Если Сталин в Москве — значит, немцам Москву не взять, если Сталин верховный главнокомандующий — значит, немцам нас не победить». Когда складывалось очень тяжелое положение, говорили: «Сталин знает, что делает и знает, что нужно делать». У подавляющего большинства было к нему безграничное доверие и уважение.

Е. Г.: В знаменитом послевоенном тосте «За русский народ» Сталин говорил, что другой народ сказал бы, что мы не хотим такого правительства. Ощущал ли он свою ответственность за неудачи?

А. С.: Тут дело такое. Когда мы были в немецком тылу в начале войны, в 1941-м, то кое-кто так высказывался: «Вот, говорили “и на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью могучим ударом”, а что на самом деле?» Но большинство солдат страшно злились на эти слова и буквально угрожали тем, кто такие вещи пытался говорить. А иногда и били за это.

Не знаю, что Сталин думал, могу лишь предположить. В любом случае, если ты терпишь какой-то неуспех, то чувствуешь свою

ответственность. Но ведь Сталину удалось мобилизовать страну. Конечно, за счет социалистической системы государства, нашего великого народа, но и за счет его колоссальных личных способностей, умения: трудоспособности, прозорливости, благодаря выдающимся качествам руководителя. Еще и потому, что его слова не расходились с делом. Что он говорил — исполнялось. Если он обещал — выполнял, никого не обманывал, доверия к себе не поколебал. Он все всегда продумывал до мелочей и мог, ставя задачу, давать конкретные советы, как её выполнить. Это было характерно для него: не только дать задание, но и при необходимости в деталях объяснить, как его лучше выполнить. И знал, что выполнимо, а что — нет.

Возьмите такую важную вещь, как обеспечение секретности приказов и планов. Маршал Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ), рассказывал, как было поставлено дело. Вот идет работа, ведется какое-то обсуждение. Тут же за загородками, не на виду, сидят секретари, которые по тону понимают, что является элементом дискуссии, а что — элементом оперативной директивы, и параллельно работают над оформлением документа, и в конце работы он уже готов. Сталину подавали готовый документ, он брал карандаш, делал необходимые пометки, исправления, писал расчет рассылки. Этот документ размножался в необходимом количестве экземпляров. А исполнители, участвовавшие в обсуждении, расходились по своим рабочим местам. Яковлев вспоминает, что приезжает на рабочее место после этого обсуждения, а его уже офицер безопасности ждет с готовым документом — очень оперативно действовала фельдъегерская служба. Предъявлял офицер эту бумагу, исполнитель работал с ней, делал нужные выписки, а офицер, доставивший документ, глаз с этой бумаги не спускал. Когда человек отработал документ, доставивший его забирал и отвозил обратно — сам документ возвращался и на руках у исполнителя не оставался. Не было возможности снять копию. Таким образом, строжайше соблюдался режим секретности, что в условиях войны очень важно.

После войны я со Сталиным тесно не общался. Видел издали, дома бывал не раз, но там находились и другие люди, поэтому больших личных бесед с ним не было.

Е. Г.: Вводились тогда новые ордена, ввели погоны, снимались исторические фильмы на патриотические темы. Это играло роль

для повышения боеспособности? Понимал ли Сталин, что для победы важен дух народа?

А. С.: Сталин все делал последовательно и своевременно — именно тогда, когда этому способствовали обстоятельства или требовала обстановка. И не раньше. Введены персональные воинские звания в 1935 году, в 1940 году — генеральские звания, потом учреждена гвардия, погоны как знаки различия.

Думаю, Сталин не только прекрасно понимал роль и значение искусства в формировании боеспособного духа, но и фактически заказывал соответствующие фильмы. И предвоенные, и военные картины производили колоссальное впечатление. И сам я испытывал эти чувства, и был свидетелем, как они действовали на бойцов.

Е. Г.: А в атаку и правда шли с кличем «За Родину, за Сталина!»?

А. С.: Там такая вещь: во время атаки стоит один мат или крик — угрозы в адрес врага, ярость. Но перед атакой, перед боем или после, да, такие разговоры совершенно искренние были. Однажды, после очень тяжелого артиллерийского боя я послал трехлитровую бутылку на орудие, солдаты которого особо отличились. На бутылки Женя Ганнушкин, тогда артиллерист-разведчик, а впоследствии известный художник книжной графики, нарисовал и написал: «За отличную стрельбу от командира полка». А солдаты уже пустую тару прислали, приладив другую наклейку с надписью: «Наш уважаемый командир! Мы за Сталина и против Гитлера готовы в огонь и в воду и в самый Берлин. Мы выполним любой приказ». И всем орудийным расчетом расписались.

Е. Г.: Чувствовали ли вы, солдаты войны, что страна и её руководство едины с вами?

А. С.: Государство было единым военным лагерем: и солдаты войны, и солдаты труда были его бойцами. Мы это чувствовали: тыл все делает, чтобы мы на фронте были всем обеспечены, а в тылу знали, что мы все делаем, чтобы победить. У нас не было сомнений, что с врагом борется вся страна, каждый на своем месте. И мы абсолютно верили своему главнокомандующему, который привел нас всех к великой Победе.

Е. Г.: Сталин знал, как Вы воевали, в каком звании закончили войну?

А. С.: Думаю, он у Василия спрашивал. Он интересовался, как мои дела, да.

Е. Г.: Как вообще Вы отмечали дни Победы?

А. С.: Иногда несколько человек нас собиралось, нередко у Василия дома, его товарищи там были. Специальных праздников не было, застолий особенных. Конечно, пили за победу, за здоровье Сталина, за него как автора победы, за его колоссальный вклад в победу. Ведь такой победы, которую одержала страна под руководством Сталина, в истории не было.

Е. Г.: Он был удостоен звания генералиссимуса...

А. С.: Генералиссимусы были, во всяком случае, и помимо Сталина: Шеин, Меншиков при Петре, Франко в Испании, Чан Кай Ши в Китае. Но таких побед никто не одерживал. Не Сталин должен был гордиться чином генералиссимуса, но сам по себе повышался статус этого звания, потому что его носил Сталин.

<...>

